

Д. О. Добровольский

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

dm-dbrv@yandex.ru

КОРПУС ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ И СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ¹

В статье рассматриваются языковые явления, представляющие серьезные трудности как для контрастивной лексикологии, так и для двуязычной лексикографии. Цель исследования — попытаться ответить на вопрос, насколько корпуса параллельных текстов могут оказаться полезным инструментом в описании особенностей функционирования форм русского языка в сопоставлении с другим, и наоборот. Работа основана на эмпирических данных русско-английского, русско-немецкого, а также англо-русского и немецко-русского параллельных корпусов НКРЯ. Анализ показал, что обращение к параллельным корпусам помогает выявить как нетривиальные семантические и дискурсивные особенности слов, не имеющих в других языках стандартных эквивалентов, так и специфику их кросс-лингвистических функциональных соответствий.

Ключевые слова: параллельный корпус, лексическая семантика, двуязычная лексикография, лингвоспецифичная лексика, русский язык, английский язык, немецкий язык

Цель данной работы — попытаться ответить на вопрос, насколько корпуса параллельных текстов могут оказаться полезным ин-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 13-06-00403), РГНФ (гранты 15-04-00507 и 15-04-12018) и Фонда содействия развитию интернета «Internet Support Foundation». Особая благодарность Анне А. Зализняк за полезные замечания и советы.

струментом в решении задач контрастивной лингвистики, то есть в описании особенностей функционирования форм русского языка в сопоставлении с другим (например, с немецким и с английским, как в данной статье), и наоборот. В центре нашего внимания стоят лексические явления сопоставляемых языков, в частности проблемы межъязыковой эквивалентности, связанные с лингвоспецифичностью некоторых лексем, и способы их представления в двуязычных словарях. Материал параллельных корпусов провоцирует вопросы лексикографического представления¹ межъязыковых лексических коррелятов, особенно если подобные соответствия не являются эквивалентами в точном смысле.

1. Корпус параллельных текстов с английским и немецким языками в Национальном корпусе русского языка

Создание корпуса параллельных текстов в качестве одного из модулей Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — актуальная лингвистическая задача, над решением которой вот уже больше десяти лет работает целый коллектив исследователей. Такой корпус необходим в первую очередь потому, что надежные, подкрепленные эмпирическими данными ответы на большинство вопросов сопоставительной лингвистики, в том числе лексикологии и лексикографии, могут быть получены только при наличии значительных по объему и общедоступных параллельных корпусов. Ср. подробнее [Добровольский, Кретов, Шаров 2005; Добровольский 2009].

Корпус параллельных текстов НКРЯ состоит в основном из множества художественных произведений с их переводами. В относительно небольшом объеме в корпус включены тексты СМИ. Корпус включает в себя, с одной стороны, оригинальные русские тексты с их переводом на другие языки, а с другой — иноязычные тексты с их переводом на русский. В дальнейшем мы будем говорить исключительно о русско-английских, англо-русских, русско-немецких и немецко-русских частях корпуса.

¹ Вопросы использования корпусных данных в — прежде всего, одноязычной — лексикографии обсуждаются в [Atkins, Fillmore, Johnson 2003]. Ср. также спецвыпуск журнала «Sprachtypologie und Universalienforschung», посвященный использованию параллельных корпусов в языковом сравнении и типологии [Cysouw, Wälchli 2007]. На эту публикацию мое внимание обратил Д.В. Сичинава.

1.1. Зачем нужен параллельный корпус?

Создание и использование параллельных корпусов представляется целесообразным как с практической точки зрения, так и с точки зрения развития корпусной лингвистики — одного из наиболее перспективных лингвистических направлений. Корпус параллельных текстов может быть эффективно использован как в различных лингвистических исследованиях сопоставительного характера, так и в исследованиях по теории перевода, сравнительному литературоведению, культурологии, автоматической обработке текста. В этой работе нас будут в первую очередь интересовать собственно лингвистические — и в том числе лексикографические — аспекты использования параллельных корпусов.

Обращаясь к корпусу, создатели двуязычных словарей получают весьма простой и эффективный инструмент сбора материала и эмпирической проверки своих гипотез, касающихся межъязыковой эквивалентности. Ценность этого инструмента определяется тем, что в лингвистике этап сбора материала является наиболее трудоемким и наименее творческим, а корпус параллельных текстов позволяет значительно сэкономить время и силы для творческого этапа работы.

Традиционная сравнительная лексикология и двуязычная лексикография характеризуется ориентацией на сопоставление более или менее изолированных языковых структур. Отрицательным последствием подобной ориентации является недостаточный учет узуса, то есть тех особенностей синтаксического и сочетаемостного поведения единиц языка, которые нельзя объяснить их системными признаками. Так, в принципе известно, что та или иная структура одного языка не может быть во всех контекстах переведена на другой с помощью своего стандартного эквивалента. В определенных контекстах язык L2 прибегает к другим способам описания соответствующей ситуации. Известно также, что не существует продуктивных правил, по которым можно было бы вывести подобные отклонения от «стандартной эквивалентности» из неких более общих принципов. Единственный способ описания подобных отклонений — это их тщательная фиксация на аутентичном материале. Только так можно построить исчерпывающие сопоставительные описания и создать словари, удовлетворяющие современным требованиям.

Корпус параллельных текстов представляет собой наиболее адекватный инструмент для выполнения этих задач. Та или иная языковая структура, интересующая исследователя, может быть найдена во всех представленных в корпусе контекстах с их переводами на соответствующий язык. Таким образом, исследователь получает в свое распоряжение набор аутентичных контекстов, представляющих интересующую его структуру в ее естественном окружении, а также самые разнообразные эквиваленты этой структуры в языке цели. Поскольку эти эквиваленты также оказываются встроенными в естественные контексты, на основе полученных с помощью параллельного корпуса материалов могут быть сделаны выводы о зависимости выбора эквивалента от типа контекста. Подобные результаты практически всегда расходятся с теми сведениями, которые мы можем почерпнуть из традиционных, созданных в «докорпусную эру» словарей, являясь тем самым нетривиальными.

Важным параметром, по которому языки могут различаться между собой, является степень употребительности определенных выражений. Так, некоторое выражение *A* языка *L1* может стандартным образом переводиться на язык *L2* с помощью выражения *B* — вполне корректного с точки зрения норм этого языка. Таким образом, выражения *A* и *B* оказываются эквивалентными в рамках системы соответствующих языков. Тем не менее, их функциональная эквивалентность часто представляется неполной. В частности, это имеет место в случае, когда одно из выражений оказывается в своем языке существенно более употребительным, чем его переводной эквивалент — в своем. Такие случаи хорошо прослеживаются при сопоставлении оригинальных текстов с их переводами на другие языки; ср., например, [Йокояма 2012: 152].

Исследование некоторого языкового явления на основе корпуса параллельных текстов (особенно если рассматриваются феномены языка *L2*)¹ может быть по ряду параметров противопоставлено исследованию этого явления на основе большого корпуса оригинальных текстов. Отличие оригинальных текстов от переводов заключается и в объеме (миллионы слов оригинальных текстов, производимых ежедневно, против относительно небольшого количества текстов, переводимых с иностранных языков), и в природе автор-

¹ Например, некоторое явление русского языка на материале англо-русского или немецко-русского корпусов.

ства (то есть в степени оригинальности и творческой свободы при порождении текста), а также в культурном контексте (переводные тексты обычно погружены в культуру исходного языка). Все эти факторы обеспечивают различия между исходными и переводными текстами по целому ряду параметров.

Между конкретными словами с близкими значениями в разных языках (которые принято считать эквивалентными) нет взаимно однозначных соответствий. В принципе это касается многих семантических классов слов. Каждое конкретное слово обладает своим уникальным набором сочетаемостных ограничений и предпочтений. Эта идея относится к числу традиционных теоретических положений лингвистики. То новое, что вносит обращение к корпусам параллельных текстов в решение подобных задач, — это возможность эмпирической проверки соответствующих гипотез на представительном материале.

1.2. Состав немецко-русского и русско-немецкого корпуса в НКРЯ

На данный момент в состав доступного online немецко-русского корпуса (наряду с небольшим массивом публицистических текстов, любезно предоставленных компанией АВВУУ) входит около тридцати произведений художественной литературы. В стадии подготовки находится роман Теодора Фонтане «Эффи Брист» (Theodor Fontane — Effi Briest), а также статья Вальтера Бенъямина «О понятии истории» (Walter Benjamin — Über den Begriff der Geschichte). Работа над русско-немецким корпусом была начата относительно недавно. Пока он существенно уступает по объему немецко-русскому. Сейчас (на июнь 2014 года) в открытом доступе находятся лишь пять публицистических и пятнадцать художественных текстов¹. В ближайшее время корпус будет дополнен следующими произведениями русской классической литературы:

— Н. В. Гоголь:

Вечера на хуторе близ Диканьки — *Abende auf dem Vorwerke bei Dikanjka und andere Erzählungen*;

Портрет — *Das Porträt*;

¹ С составом корпуса можно ознакомиться на сайте <http://www.ruscorpora.ru/myscorpora-para.html>.

Записки сумасшедшего — Aufzeichnungen eines Irren;
Нос — Die Nase;
Невский проспект — Der Newskij-Prospekt;
Вий — Der Wij;
— Ф. М. Достоевский:
Братья Карамазовы — Die Brüder Karamasow;
Бедные люди — Arme Leute;
— А. С. Пушкин:
Капитанская дочка — Die Hauptmannstochter (в переводе Фреда Отто — Fred Ottow)¹;
— Л. Н. Толстой:
Анна Каренина — Anna Karenina;
Крейцера соната — Die Kreutzersonate;
Семейное счастье — Glück der Ehe;
Хозяин и работник — Herr und Knecht;
— И. С. Тургенев:
Фауст — Faust;
— А. П. Чехов:
Дуэль — Ein Zweikampf;
— Н. С. Лесков:
Леди Макбет Мценского уезда — Die Lady Makbeth des Mzensker Landkreises;
Запечатленный ангел — Der versiegelte Engel
— И. А. Гончаров:
Обломов — Oblomow;
— Максим Горький:
Трое — Drei Menschen.

1.3. Состав англо-русского и русско-английского корпуса в НКРЯ

Работа над параллельными корпусами с английским языком, была начата существенно раньше, чем с немецким. Соответственно, объем англо-русского и русско-английского корпусов намного превосходит объем немецко-русского и, в особенности, русско-немец-

¹ Параллельный корпус по «Капитанской дочке» в другом немецком переводе, любезно предоставленный проекту НКРЯ А. Барентсеном, уже размещен на сайте НКРЯ.

кого. Сейчас в НКРЯ доступны online 146 англо-русских и 77 русско-английских текстов. Более подробно см. на сайте <http://www.ruscorpora.ru/myscorpora-para.html>. В стадии подготовки находятся следующие параллельные тексты (произведения русской литературы с их английскими переводами):

— Ф. М. Достоевский:

Братья Карамазовы — The Brothers Karamazov;

Белые ночи — White Nights;

Бесы — The Possessed or, The Devils;

Преступление и наказание — Crime and Punishment;

— В. В. Набоков:

Звонок — The Doorbell;

Письмо в Россию — A Letter that Never Reached Russia;

Подлец — An Affair of Honor;

Бритва — Razor;

Возвращение Чорба — The Return of Chorb;

Драка — The Fight;

Пассажир — The Passenger;

Путеводитель по Берлину — A Guide to Berlin;

Рождество — Christmas;

Ужас — Terror;

Сказка — A Nursery Tale.

В следующих разделах я попробую на конкретных примерах показать возможности использования корпуса для сопоставительного описания лексических единиц и, в частности, для исследования лингвоспецифичных слов и выражений того или иного языка.

2. Русское *нет* как лингвоспецифичное слово

Корпусное исследование лексических единиц разных языков, традиционно считавшихся эквивалентными, часто позволяет выявить ряд нетривиальных семантических различий. Так, в [Добровольский, Левонтина 2009б; Dobrovol'skij, Levontina 2009; 2012] было показано, что у русского слова *нет* есть специфические значения, которые отсутствуют у немецкого слова *nein* или у английского *no*. Прежде всего бросаются в глаза случаи, когда русскому *нет* соответствует немецкое *doch*, а не *nein*, то есть случаи ответа на вопрос, содержащий отрицание, или реакции на реплику с отри-

цанием. Ср.: (а) — *Ich habe gehört, ihr wart gar nicht weg?* — **Doch.** / — *Я слышал, вы и не уезжали никуда?* — **Нет,** уезжали. (б) — *Das stimmt nicht!* — **Doch.** / — *Это неправильно!* — **Нет,** правильно.

В русском языке для выражения положительного vs. отрицательного согласия-несогласия есть только два слова: *да* и *нет*. Причем в нормированной речи *да* употребляется только в случае «положительного согласия» (i), а во всех остальных случаях — *нет*. Ср.: (i) — *Будешь?* — **Да,** буду; (ii) — *Будешь?* — **Нет,** не буду; (iii) — *Не будешь?* — **Нет,** буду; (iv) — *Не будешь?* — **Нет,** не буду. Строго говоря, выбор *да* и *нет* в русском языке зависит не только от стимула (в частности, от того, содержит ли предшествующий вопрос отрицание или нет), но и от ситуации и контекстных условий. В реальной коммуникации в случаях типа (iii) и (iv) встречается и *да*. Е. А. Гришина [2011: 173] указывает на то, что «в живой устной речи не так уж много явлений, которые запрещены бескомпромиссно». Кроме того, из-за полифункциональности русского *нет* реакция типа (iii) и (iv) содержит повтор релевантного элемента стимула. Одинокое *нет* встречается в таких случаях крайне редко. Случаи типа (iii) и (iv) обсуждаются также в [Добрушина 2003:182]. Ср. ее пример на тип (iv): — *Мне не звонили?* — **Нет.** / **Нет,** не звонили. Что касается реакций типа (iii), единственно возможным способом «введения положительной пропозиции в ответ на такие вопросы» Е. Р. Добрушина считает повтор релевантного элемента стимула, то есть форму — *Мне не звонили?* — **Звонили.** Мне представляется, что реакция типа **Нет,** звонили в реальной коммуникации вполне уместна. Таким образом, из четырех возможных случаев выражения положительного vs. отрицательного согласия-несогласия, как уже было сказано, в трех — (ii), (iii) и (iv) — более распространенным способом является *нет*, и только в одном — *да*¹.

В немецком языке (так же, как в скандинавских и во французском) на четыре принципиально возможные реакции приходится три слова. Соответственно один из трех случаев, в которых в рус-

¹ В работе [Pore 1976: 118 ff.] подробно обсуждается система ДА-/НЕТ-реакций на стимулы с отрицанием и без отрицания в разных языках. В принципе, выбор мотивируется двумя параметрами: «положительное vs. отрицательное утверждение» и «согласие vs. несогласие». Возможны четыре комбинации этих признаков. Но языков, в которых существовало бы четыре разных слова для выражения этих смыслов, крайне мало. К ним, например, относится английский язык XVI века.

ском языке употребляется *нет*, требует не *nein*, а именно этого «третьего» слова — *doch*. Это тип реакции (iv) — см. примеры (а) и (б) выше. В английском языке, где нет специального слова, эквивалентного немецкому *doch* или французскому *si*, в подобных случаях употребляется не *no*, как можно было бы ожидать, исходя из русского, а *yes*. Напомним знаменитый предвыборный лозунг Обамы *Yes, we can!*, обсуждаемый в [Dobrovol'skij, Levontina 2012] в связи с особенностями употребления русского *нет* в контекстах такого типа. Этот лозунг должен рассматриваться как реакция на гипотетический скепсис оппонентов: *They say, we are not ready, we cannot. Yes, we can!* Ср. *Нам говорили, что мы не готовы, что мы не можем. *Да, мы можем!* при норме **Нет**, мы можем!

Случаи несовпадения употреблений *нет*, *nein* и *no*, обусловленные принятыми в разных языках способами выражения положительного vs. отрицательного согласия-несогласия, весьма интересны с точки зрения семантической типологии, но достаточно тривиальны, коль скоро речь идет об исследовании феномена лингвоспецифичности корпусными методами. Менее самоочевидными, не поддающимися описанию с помощью достаточно регулярных правил представляются употребления слова *нет* в функции дискурсивной частицы. Имеются в виду употребления типа *Нет, ты только представь себе...* Ср. подробнее [Добровольский, Левонтина 2009а; 2009б; Dobrovol'skij, Levontina 2012].

Для ответа на вопрос, является ли русская дискурсивная частица *нет* лингвоспецифичной лексической единицей, мы пользуемся одним из методов, предложенных в [Бунтман и др. 2014]. Суть этого метода состоит в том, что для лексических единиц, потенциально относящихся к лингвоспецифичным, определяется число их переводных эквивалентов, после чего оценивается дисперсия. Этот метод применим только к тем лингвоспецифичным словам, которые относятся к категории безэквивалентной лексики, при том что существуют и лингвоспецифичные лексемы, не связанные с идеей безэквивалентности. Что касается *нет*, эта частица представляет собой достаточно сложный с теоретической точки зрения случай. С одной стороны, отнесение *нет* к категории безэквивалентной лексики может натолкнуться на интуитивный протест: ведь немецкое слово *nein* и английское *no* выглядят (по крайней мере на первый взгляд) как бесспорные эквиваленты русского *нет*. С другой стороны, как

раз в функции дискурсивной частицы или прагматического коннектора (ср. — *Ну ты и вырядился!* — *Нет, а одежда-то моя здесь причем?*) *нет* не имеет столь однозначных эквивалентов в других языках, а немецкое *nein* и английское *no* оказываются далеко не самыми частотными и прагматически адекватными соответствиями. Таким образом, описанный выше метод исследования представляется в этом случае принципиально применимым.

В дальнейшем (в разделе 2.2) мы сконцентрируемся на описании различных способов перевода дискурсивного слова *нет* на немецкий и английский языки. Что касается вычисления частоты отдельных переводных эквивалентов и определения их разброса, то есть оценки дисперсии, этот этап анализа вызывает некоторые трудности, поскольку количество релевантных примеров в НКРЯ не позволяет получить статистически надежные результаты. Целесообразно, однако, испробовать потенциальную применимость этого метода на небольшом однородном фрагменте корпуса, что и будет сделано в разделе 2.1.

2.1. Case study: Переводные эквиваленты дискурсивного *нет* в английских переводах рассказов Набокова

В качестве подходящего материала для тестирования предложенного в [Бунтман и др. 2014] метода здесь предлагаются перечисленные в разделе 1.3 рассказы Владимира Набокова. Соответствующие параллельные тексты представляют собой обозримый фрагмент корпуса, однородный как с точки зрения авторского стиля, так и выбранных переводчиком стратегий (все рассказы переведены на английский Дмитрием Набоковым).

В этих рассказах отмечены лишь пять случаев употребления дискурсивного *нет*, причем релевантные контексты обнаружались лишь в двух из одиннадцати проанализированных рассказов: в «Подлеце» и в «Звонке». Тем более, показательно, что при их переводе использованы пять разных английских эквивалентов. Приведем эти примеры.

(1) — Понимаю, — сказал Митюшин, косясь на шахматную доску, над которой нависла, шевеля пальцами, рука Гнушке. — *Нет*, ты слушай меня, — с тоской воскликнул Антон Петрович. (В. Набоков. Подлец)

“Second what?” said Mityushin absently, glancing askance at the chessboard, over which Gnushke's hand hung, its fingers wriggling. “No, you listen to me,” Anton Petrovich exclaimed with anguish in his voice.

(2) — *Нет*, ты слушай! Не будем больше пить. Это серьезно, серьезно. (В. Набоков. Подлец)

“You just listen! Let us not drink any more. This is serious, very serious.”

(3) *Нет*, конечно, Берга полагается убить, но сначала нужно было хорошенько все продумать и, если выбирать секундентов, то уж, во всяком случае, порядочных людей, <...>. (В. Набоков. Подлец)

Oh, of course Berg must be killed; only the matter ought to have been carefully thought out first, and, if it had come to choosing seconds, they should in any case have been gentlemen.

(4) Представь себе, — господин Берг тоже струсил. *Нет*, не тоже струсил, а просто: струсил. (В. Набоков. Подлец)

Just imagine Mr. Berg also lost his nerve. *Well*, not also, but lost his nerve anyhow.

(5) — Да ты разве не слушаешь, мама? — *Нет*, что ты, — я слушаю, я слушаю... (В. Набоков. Звонок)

“Aren't you listening, Mother?”, “*Why*, yes I am.”

Примеры показывают, что в качестве эквивалента русского *нет* могут выступать по крайней мере следующие английские слова — частицы, местоимения и междометия: *no* (в примере (1)), *oh* (3), *well* (4), *why* (5). В примере (2) *нет* не имеет лексического соответствия, то есть в данном случае мы имеем дело с 0-эквивалентностью. Такое разнообразие способов перевода позволяет считать гипотезу, что русское *нет* в функции дискурсивной частицы является лингвоспецифичной лексемой, достаточно обоснованной.

2.2. Режимы употребления дискурсивного *нет* и их немецкие и английские соответствия

Задача данного раздела — выявить некоторые из основных типов употреблений слова *нет* в качестве дискурсивной частицы и посмотреть на материале параллельного корпуса, какими способами это слово переводится на немецкий и английский языки. Интересно также проследить, зависит ли способ перевода от того или

иного режима употребления *нет*. При этом используется не только корпус, в котором русский язык является исходным, но данные в направлении от английского или немецкого языков к русскому. Причина не только в том, что англо-русский и немецко-русский корпусы превосходят по объему русско-английский и русско-немецкий, но и в том, что при «инвертированном» подходе инвентарь возможных соответствий существенно расширяется.

Довольно типичны для русского языка случаи, когда *нет* выражает реакцию на невысказанное¹. Пример такого рода — в связи с другими языковыми особенностями — приводит в своем учебнике по русской грамматике А. Тимберлейк: — *Что мы тогда пели? Нет, это вспомнить невозможно* [Timberlake 2004: 465]. Здесь *нет* — реакция на опущенную часть вопроса *ты помнишь?* В принципе за «невысказанным» могут скрываться разные аспекты ситуации. Это могут быть предполагаемые установки собеседника, собственные мысли или невербальные действия других людей. Ср. (6–8).

(6) Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодеющим губам; она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу... *Нет*, она хорошо сделала, что умерла: ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось, рано или поздно... (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

Er kniete neben ihr Bett, er nahm sanft ihr Haupt mit dem Kissen auf und drückte einen Kuß auf ihre erkaltenden Lippen. In demselben Augenblick schlang sie fest ihre zitternden Arme um seinen Hals, als wollte sie ihre Seele in diesem Kusse übergeben... *Ach*, es war ein Glück für sie, daß sie starb! Was wäre aus ihr geworden, wenn Petschorin sie verlassen hätte? Und früher oder später wäre das ja doch geschehen.²

(7) Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. «*Нет*, лучше и не глядеть», подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что

¹ См. подробнее [Добровольский, Левонтина 2009а; 2009б], а также понятие “reaction to the unexpressed”, введенное в [Dobrovol’skij, Levontina 2009; 2012]. О связях «между высказанным и подразумеваемым» см., в частности, [Кобозева 1991: 155].

² В этом контексте идея реакции на невысказанное сочетается с фатической функцией *нет*.

перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. (Н. В. Гоголь. Шинель)

Er sah sich um und zurück — das Meer lag um ihn. „Besser nicht umsehen,“ dachte er und ging mit geschlossenen Augen weiter, und als er sie wieder öffnete, um zu sehen, wo er denn wäre, sah er vor seiner Nase Leute stehen mit Bärten; mehr konnte er nicht mehr unterscheiden.

(8) “What we’ll really do,” she said, “is get you ready for your friend Dr. Valentini.” (E. Hemingway. A Farewell to Arms)

— *Нем*, сейчас мы займемся другим делом, — сказала она, — нужно приготовить тебя к приходу твоего друга доктора Валентини.

В некоторых контекстах «реакции на невысказанное» ввод в высказывание *нет* маркирует несобственно прямую речь. Являясь в принципе диалогической единицей, *нет* указывает на то, что перед нами свободный косвенный дискурс; ср. (9). В работах Е. В. Падучевой (ср. в первую очередь [1996: 303 ff.]) такие единицы называются первичными (или жесткими) эгоцентриками.

(9) Es war unbedingt nötig, daß K. selbst eingriff. (F. Kafka. Der Prozess)

Нем, К. непременно должен был сам вмешаться.

Частным случаем «реакции на невысказанное» является также употребление частицы *нет* для понижения иллокутивной силы собственного высказывания, как это имеет место в контексте (10).

(10) — Знаешь ли что? — сказал я ему, — я пари держу, что она не знает, что ты юнкер; она думает, что ты разжалованный... — Может быть! Какое мне дело! — сказал он рассеянно. — *Нем*, я только так это говорю... (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени)

„Höre mal,“ sagte ich zu ihm, „ich wette, sie weiß nicht einmal, daß du Fähndrich bist; sie glaubt, du seist degradirt...“ „Mag sein. Was liegt mir daran!“ sagte er zerstreut. „Nun, ich meinte nur so...“

Ср. также пример (11) из «Мертвых душ», где *нет* используется для понижения значимости вопроса. Чичиков боится, что Собакевич заподозрит его в чрезмерной заинтересованности в информации о Плюшкине, и спешит заранее снять с себя возможные подозрения. Контекст (11) приводится как в английском, так и в немецком переводе, что на сегодняшнем уровне развития параллельного

корпуса НКРЯ стало возможным для многих произведений русской классической литературы. Интересно в этом примере, что в английском переводе частице *нет* соответствует форма *quite so*, то есть лексическая единица, значение которой при изолированном назывании прямо противоположно русскому *нет*. А в немецком переводе употреблена параллельная русскому *нет* форма *nein*, что, однако, не противоречит базовой идее о лингвоспецифичности этой дискурсивной частицы. Среди многочисленных разнообразных способов перевода слова *нет* в этой функции на другие языки встречаются и буквальные соответствия, ср. также (1) выше.

(11) — Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему. — *Нет*, я спросил не для каких-либо, а потому только, что интересуюсь познанием всякого рода мест, — отвечал на это Чичиков. (Н. В. Гоголь. Мертвые души)

“A man had far better go to hell than to Plushkin’s.” “*Quite so*,” responded Chichikov, “my only reason for asking you is that it interests me to become acquainted with any and every sort of locality.”

„Es ist verzeihlicher, irgendeinen unanständigen Ort aufzusuchen als ihn.“ „*Nein*, ich habe nicht aus einer bestimmten Absicht heraus gefragt, sondern nur, weil ich mich für Orte jeglicher Art interessiere“, antwortete Tschitschikow darauf.

Еще одна базовая функция *нет* в качестве дискурсивной частицы — это усиление высказывания, подчеркивание важности сообщения, которое вводит эта частица; ср. (12). В этой функции *нет* часто сочетается с формами *в самом деле* или *правда*. В английском языке аналогичную функцию часто выполняет выражения *I tell you* (12), *really* (13) или *rather*, а в немецком — частица *ja* (14), союзы и союзные наречия *aber*, *doch*, *sondern* (15).

(12) *I tell you* this war is a bad thing. (E. Hemingway. A Farewell to Arms)

Нет, в самом деле, скверная штука война.

(13) “He was *really* a lovely horse,” Catherine said. (E. Hemingway. A Farewell to Arms)

— *Нет*, правда, чудесная лошадь, — сказала Кэтрин.

(14) „*Ja*, es ist brillant, dass du gekommen bist“, sagte er, und seine gemächliche Stimme war bewegt! (Th. Mann. Der Zauberberg)

— *Hem*, это чудесно, что ты приехал, — заявил он, и в его обычно спокойном голосе прозвучало тайное волнение.

(15) Das ist aber keine bloß äußerliche, *sondern* eine wirkliche, bindende Bürgschaft. (F. Kafka. Der Prozess)

И это не какое-нибудь пустяковое, формальное поручительство, *нет*, это поручительство настоящее, ко всему обязывающее.

Часто идея усиления сочетается с фатической функцией; ср. (16), а также (12–14) выше.

(16) *Ach*, ich wollte nur ein paar Worte mit ihr reden. (F. Kafka. Der Prozess)

Hem, мне просто хотелось сказать ей несколько слов.

Частным случаем усиления высказывания, подчеркивания его важности можно считать употребление слова *нет* для удвоения отрицания. В немецком языке *nein* — как и в английском *no* — для таких контекстов нетипично. Ср. следующие примеры из НКРЯ.

(17) а. Selbst dort zu arbeiten und zu unterhandeln, hat sich wenigstens für mich als ganz unmöglich erwiesen. (F. Kafka. Der Prozess)

Действовать там самому, самому вести переговоры — *нет*, мне это оказалось совершенно не под силу.

б. „Das Warten ist nicht nutzlos“, sagte der Kaufmann, „nutzlos ist nur das selbständige Eingreifen.“ (F. Kafka. Der Prozess)

— *Hem*, ожидание небесполезно, — сказал коммерсант, — бесполезны только попытки самому вмешаться.

в. „Mit dieser Meinung stimme ich nicht überein“, sagte K. kopfschüttelnd, „denn wenn man sich ihr anschließt, muß man alles, was der Türhüter sagt, für wahr halten.“ (F. Kafka. Der Prozess)

— *Hem*, с этим мнением я никак не согласен, — сказал К. и покачал головой, — если так думать, значит, надо принимать за правду все, что говорит привратник.

г. Soll man mir nachsagen dürfen, daß ich am Anfang des Prozesses ihn beenden wollte und jetzt, an seinem Ende, ihn wieder beginnen will? Ich will nicht, daß man das sagt. (F. Kafka. Der Prozess)

Неужто про меня потом скажут, что в начале процесса я стремился его окончить, а теперь, в конце, — начать сначала? *Hem*, не желаю, чтобы так говорили!

(18) **а.** *Нет*, ты не держи меня; как честный человек, поеду. (Н. В. Гоголь. Мертвые души)

Do not detain me; as an honourable man I say that I must go.

б. — *Нет*, брат, ты не ругай меня фетюком, — отвечал зять, — я ей жизнью обязан. (Н. В. Гоголь. Мертвые души)

“Do not insult me with the term Thetuk,” retorted the brother-in-law, “To her I owe my life.”

в. — *Нет*, это все не то, это все выдумки, это все. — Здесь Собакевич даже сердито покачал головою. (Н. В. Гоголь. Мертвые души)

“Such devices are no good at all”. Sobakevitch shook his head wrathfully.

г. — Да бабу, Елизавету Воробья, еще и букву ь поставили на конце. — *Нет*, никакого Воробья я не приписывал, — сказал Собакевич и отошел к другим гостям. (Н. В. Гоголь. Мертвые души)

“The woman ‘Elizabet’ Vorobei — ‘Elizabet’, not ‘Elizabeta’?” “I added no such name,” replied Sobakevitch, and straightway joined the other guests.

Дискурсивное *нет* используется в русском языке также как средство ввода самокомментария (19), причем в случаях, подобных (20), речь идет о своего рода самокоррекции с элементами усиления высказывания. Ни *nein*, ни *no* в таких случаях нетипичны.

(19) Und für wen führe ich diesen schweren Kampf? Für — es ist fast lächerlich, es auszusprechen — für Block. (F. Kafka. Der Prozess)

Вот ради кого я веду эту трудную борьбу! Ради — *нет*, просто смешно сказать — ради Блока!

(20) Мало сказать: он служил ревностно, *нет*, он служил с любовью. (Н. В. Гоголь. Шинель)

Akaki Akakiewitsch diente mit Eifer, *doch das ist noch nicht das Wort*: er diente mit Liebe.

Обращение к параллельным корпусам позволило выявить еще один тип контекстов, в которых русскому *нет* в немецком языке соответствует не *nein*, а какое-либо другое выражение. Это так называемое приимперативное нет; ср. (21).

(21) „Ich muß schon gehen.“ „Halt, warte!“ (Th. Mann. Der Zauberberg)

— Мне пора. — *Нет*, подожди, постой!

В примере (21) из «Волшебной горы» Томаса Манна (пер.: В. Станевич) при императиве *warte!* вводящая реплика частица *nein* в немецком оригинале отсутствует. Ее добавление в русском переводе делает реплику более естественной. Ср. явно менее узуально приемлемый диалог: — *Мне пора.* — *Подожди, постой!* В принципе, вместо оригинальной фразы *Halt, warte!*, можно было сказать что-то вроде *Warte mal* или *Warte doch*. А дословно соответствующий русской реплике вариант *?Nein, warte!* представляется, скорее, неудачным. Употребление вводящей реплику частицы *нет* в русском языке явно предпочтительно. А в случаях повторного побуждения употребление *нет* становится почти обязательным. Ср. контекст (22).

(22) „Kommen Sie mit“, sagte K., „zeigen Sie mir den Weg, ich werde ihn verfehlen, es sind hier so viele Wege.“ „Es ist der einzige Weg“, sagte der Gerichtsdienstler nun schon vorwurfsvoll, „ich kann nicht wieder mit Ihnen zurückgehen, ich muß doch meine Meldung vorbringen und habe schon viel Zeit durch Sie versäumt.“ „Kommen Sie mit!“ wiederholte K. jetzt schärfer, als habe er endlich den Gerichtsdienstler auf einer Unwahrheit ertappt. (F. Kafka. Der Prozess)

— Пойдемте со мной, — сказал К., — покажите мне дорогу, не то я запутаюсь, здесь столько входов и выходов. — Нет, это единственный выход, — уже с упреком сказал служитель, — а вернуться с вами я не могу, мне еще надо передать поручение, я и так потерял с вами уйму времени. — *Нет, пойдёмте!* — уже резче сказал К, словно наконец уличил служителя во лжи.

Вообще, повторное побуждение в русском языке маркируется практически обязательно, хотя и не всегда с помощью частицы *нет*. Часто такими маркерами выступают частицы *ну, да, же* и др.; см. [Левонтина 1999]. В контексте (22) мы имеем дело с эксплицитным отказом. После полученного отказа говорящий повторяет свое требование, не желая признавать права адресата на отказ. Именно в таких случаях повторное требование начинается с *нет*, что нетипично для немецкого или английского языков, причем использование *no* в английском вряд ли допустимо вообще. Ср. анализ этого и подобных примеров в [Добровольский, Левонтина 2009б]. В немецком и английском языке повторное побуждение либо никак не маркируется (ср. примеры 22 и 23), либо выделяется с помощью

таких форм как *nevertheless* (24), *doch*, в отдельных случаях — скорее под влиянием оригинала — с помощью *nein* (24).

(23) “You can’t come in now,” one of the nurses said. “Yes I can,” I said. “You can’t come in yet.” (E. Hemingway. A Farewell to Arms)

— Сейчас нельзя, — сказала одна из сестер. — Можно, — сказал я. — *Hem*, еще нельзя.

(24) — Да зачем, я и так вижу: доброй породы! — отвечал Чичиков. — *Hem*, возьми-ка нарочно, пощупай уши! (Н. В. Гоголь. Мертвые души)

“Why should I? — without doing that, I can see that he is well-bred.” “*Nevertheless*, catch hold of his ears and feel them.”

„Warum denn, ich seh es doch auch so: eine gute Rasse!“ antwortete Tschitschikow. — „*Nein*, faß sie nur an, befühle mal die Ohren!“

Последний рассматриваемый здесь тип контекстов, в которых русскому *нет* в немецком и английском языках соответствуют другие выражения, — это конструкции различных типов. Покажем это на примерах. Так, русскому *да нет* в немецком часто соответствует *nein, nein* (25), а русскому *ну нет* — как *bloß nicht*, так и *nein, nein* (26).

(25) „*Nein, nein*, das muß Haut und Fleisch sein, was im Innern wächst. (E. Kästner. Pünktchen und Anton)

— *Да нет*, это что-то из мяса и кожи.

(26) а. „*Bloß nicht!*“ rief er. (E. Kästner. Pünktchen und Anton)

— *Ну нет!* — воскликнул он, — только не это!

б. *Ну нет* <...> теперь с Петровичем нельзя толковать <...> (Н. В. Гоголь. Шинель)

Nein, nein, heute kann niemand mit Petrowitsch reden.

В высокой степени идиоматична русская конструкция [*нет-нет да и V*] с ее вариантами [*нет-нет да V*], [*нет-нет и V*]. Ее немецкими аналогами оказываются самые разнообразные наречия и адвербиальные фраземы в сочетании с соответствующим глаголом. Ср. *manchmal* (27), *hie und da* (28), *zwischen* (29), *bisweilen* (30).

(27) Kein Und, kein Bindewörtchen darf außenbleiben, und von allen Inversionen, die mir *manchmal* entfahren, ist er ein Todfeind; wenn man seinen Period nicht nach der hergebrachten Melodie heraborgelt,

so versteht er gar nichts drin. (J.W. Goethe. Die Leiden des jungen Werther)

Ни одного «и», ни одного союза он тебе не уступит и яро ополчается против инверсий, которые *нет-нет да* проскользнут у меня. Фразу ему надо строить на строго определенный лад, иначе он ничего не поймет.

(28) Ihre Augen, die sie in dem Bewußtsein, den beobachtenden Blicken der ganzen Stadt ausgesetzt zu sein, meistens gesenkt hielt, konnten es sich *hie und da* nicht versagen, über die Menge hinzuschweifen, in der sie auch Julchen Möllendorpf, geborene Hagenström, und ihren Gatten gewährte... (Th. Mann. Buddenbrooks)

Глаза г-жи Перманедер, хоть она и потупляла их, в сознании, что взгляды „всего города“ устремлены на нее, *нет-нет и* обегали толпу, в которой она среди прочих заметила Юльхен Меллендорф, урожденную Хагенштрем, с супругом...

(29) Gleichzeitig aber vergaß er nicht, sich *zwischen*durch daran zu erinnern, daß viel besser als verzweifelte Entschlüsse ruhige und ruhigste Überlegung sei. (F. Kafka. Die Verwandlung)

Одновременно, однако, он не забывал *нет-нет да* напомнить себе, что от спокойного размышления толку гораздо больше, чем от порывов отчаяния.

(30) Alle waren ein wenig verweint; Grete drückte *bisweilen* ihr Gesicht an den Arm des Vaters. (F. Kafka. Die Verwandlung)

У всех были немного заплаканные глаза; Грета *нет-нет да* прижималась лицом к плечу отца.

Русскому выражению *но нет* в английском языке неожиданным образом часто соответствует *yes*. Его перевод на немецкий язык также оказывается идиоматичным. Ср. (31).

(31) Из-за нее две дамы, большие приятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, именно за то, что одна из них как-то манкировала контрвизитом. И уж как ни старались потом мужья и родственники примирить их, *но нет*, оказалось, что все можно сделать на свете, одного только нельзя: примирить двух дам, поссорившихся за манкировку визита. (Н.В. Гоголь. Мертвые души)

So sacred that on one occasion two closely related ladies who had also been closely attached friends were known to fall out with one another

over the mere fact of an omission to return a social call! Yes, in spite of the best efforts of husbands and kinsfolk to reconcile the antagonists, it became clear that, though all else in the world might conceivably be possible, never could the hatchet be buried between ladies who had quarrelled over a neglected visit.

Wegen einer Visitenkarte hatten sich einmal zwei Damen überworfen, die gute Freundinnen und sogar miteinander verwandt waren, und zwar, weil eine von ihnen der anderen keinen Gegenbesuch gemacht hatte. Und wie sehr sich dann auch die Männer und Verwandten darum bemühten, sie wieder miteinander auszusöhnen — *nichts half*, es zeigte sich, daß alles auf der Welt zu vollbringen ist, nur eines nicht: Zwei Damen miteinander auszusöhnen, die sich wegen eines ausgebliebenen Gegenbesuchs überworfen haben.

Рассмотренные в разделе 2.2 контексты иллюстрируют свойства русского *нет*, которые отличают его от английского аналога *no* и от немецкого *nein*. С одной стороны, это ориентация на внешний контекст (то есть на аспекты ситуации, внешние по отношению к пропозитивному содержанию высказывания), соотносённость с разными слоями смысла высказывания, в том числе с предполагаемыми следствиями и импликатурами дискурса. С другой — это способность *нет* участвовать в ряде лингвоспецифических конструкций, которые, в принципе, не переводимы на другие языки поэлементно, а должны рассматриваться как структуры, близкие по своему статусу к фразеологии. Анализ этих и подобных примеров позволяет сделать вывод, что русское *нет* может быть связано как с диктумом, так и с модусом высказывания, в то время как английский *no* и немецкое *nein* в целом более тесно связано с диктумом, с пропозицией.

Есть все основания считать, что в случае дискурсивного *нет* мы имеем дело с лингвоспецифичной единицей русского языка. Такие слова представляют исключительный интерес для двуязычной лексикографии, поскольку они не имеют в других языках стандартных лексических эквивалентов. Значение дискурсивной частицы *нет* распределяется в английском языке между такими единицами, как *well, really, rather, however, nevertheless, but, why, oh, no, yes, quite so*, а в немецком — *nun, aber, doch, sondern, ach, nein, ja, bitte* и др.

От хорошего русско-английского и русско-немецкого словаря вряд ли следует ожидать фиксации всех этих и других потенци-

ально возможных лексических коррелятов дискурсивного *нет*. Это и не нужно, поскольку выбор некоторых из встречающихся в параллельных корпусах соответствий основывается в большей степени на субъективном решении переводчика, чем на их семантической близости исходному выражению. Вряд ли реалистично также ожидать от словаря, что в нем будут эксплицитно описаны контекстные условия, соблюдение которых требуется для употребления каждого из предлагаемых эквивалентов.

Понятно, что степень подробности лексикографического представления и выделение конкретных режимов употребления дискурсивного *нет* определяется типом словаря. В любом случае полезно указать на различные функции русского *нет* в тех случаях, когда это влияет на способ перевода этого слова. Так, появление в качестве английских эквивалентов русского *нет* слов и выражений *really, rather, I tell you* и немецких *aber, doch, sondern* естественно, если частица *нет* употребляется в функции усиления высказывания. А употребление *нет* в функции повторного побуждения, как правило, не имеет лексического соответствия ни в немецком, ни в английском языке, то есть такое *нет* чаще всего должно оставаться непереуведенным. Фатическое *нет* часто передается на немецкий с помощью междометия *ach*, а на английский — *oh*.

Существующие русско-английские и русско-немецкие словари еще далеки от решения этой задачи. Так, в [Цвиллинг 2003] у *нет* выделяются всего два значения: «обычное» *нет* = *nein*, то есть *нет* как слово-предложение (в этом же значении даны употребления типа *ты придешь или нет?*) и *нет*-предикатив (*у меня нет времени*). В заромбовой части приводится пример на употребление конструкции [*нет-нет да и V*], а также выражения *сойти на нет; нет, так нет* и *чего здесь только нет*. В [РАС] эти два значения выделяются как омонимы, причем в рамках **нет I** (*нет* как «отрицание») под цифрой 2 описывается один из режимов употребления дискурсивного *нет*: «в начале реплики — с оттенком возражения, удивления». В качестве единственного английского эквивалента предлагается *but*: *нет, вы его не знаете! but you don't know him!*; *нет, почему вы так думаете? but why do you think so?* «Новый большой русско-английский словарь», который во многих отношениях существенно превосходит аналогичные издания, в описании слова *нет* сохраняет те же принципы; ср. [Ермолович, Красавина 2006].

Очевидно, что для лексикографов, работающих над составлением новых двуязычных словарей, здесь намечается широкое поле деятельности. Причем это относится не только к дискурсивному *нет*, но и к большинству лингвоспецифичных лексем.

3. Немецкие показатели пространственного дейксиса: элементы *her* и *hin* и их русские соответствия

Проблему лексической лингвоспецифичности интересно решать не только в направлении от русского языка к иностранному, но и в обратном направлении. Так, в немецком языке обнаруживается достаточно много лексических единиц, перевод которых на русский сопряжен с определенными трудностями, причем эти трудности мотивированы особенностями специфичной для немецкого языка концептуализации фрагментов действительности. Часто эти концептуальные особенности оказываются регулярным образом лексикализованы, то есть фиксация определенных понятийных различий пронизывает всю лексическую систему. Ниже речь пойдет об одном из таких случаев.

В данном разделе будет показано, как работа с параллельным корпусом может помочь в выявлении русских соответствий определенного немецкого слова, обладающего нетривиальными особенностями. Когда у некоторого слова в специфических употреблениях нет стандартных аналогов в других языках, может создаться впечатление, что подобные смыслы непереводимы в принципе. Корпус показывает, что способы передачи таких смыслов все-таки существуют, и позволяет эти способы описать. В качестве материала мы берем такие лексические единицы немецкого языка, про которые принято считать, что они не имеют русских аналогов, и пытаемся с помощью контекстов из параллельного корпуса выявить возможные способы передачи соответствующих смыслов.

В немецком языке есть огромное количество слов с пространственно-дейктическими элементами *her* (≈ ‘сюда’) и *hin* (≈ ‘туда’), выражающими идею направления движения.¹ Слова *hin* и *her* употребляются также и самостоятельно в различных комбинациях с глаголами и адвербиальными конструкциями для выражения про-

¹ С типологической точки зрения *her* и *hin* — это показатели глагольной ориентации; ср. [Плунгян 2011]. Немецкие показатели глагольной ориентации обсуждаются также в [Добровольский 2013].

странственных отношений между участниками ситуации. В русском языке нет таких системно организованных (то есть почти грамматических) средств для выражения соответствующих дейктических смыслов. Так, и глагол *hereinführen*, и глагол *hineinführen* переводятся на русский язык с помощью глаголов *вводить* / *ввозить*, так что идея ‘вводить/ ввозить сюда, то есть по направлению к говорящему’ vs. ‘вводить/ ввозить туда, то есть по направлению от говорящего’¹ в русском языке часто вообще не выражается.

В работе [Добровольский, Падучева 2008] было показано, что проблема состоит не только в отсутствии у этих немецких слов стандартных русских аналогов, но и в том, что комментарии к немецким *her* и *hin*, апеллирующие к говорящему, искажают реальную картину. Так, человек, желающий войти в некоторое помещение, (в стандартной ситуации) спросит, постучав, *Darf ich herein?* (то есть *Можно мне войти?*, сокращенная форма от *Darf ich hereinkommen?* ‘Можно мне сюда войти?’), а не *Darf ich hinein?* (букв. ≈ «Можно мне туда войти?»). Понятно, что предполагаемое перемещение в пространстве должно совершаться не по направлению к говорящему, а от его исходного местонахождения по направлению к адресату. Дело в том, что в таких случаях говорящий принимает точку зрения адресата, как бы ставя себя на его место.

Еще более сложно ведут себя такие дейктические элементы в гипотаксисе и нарративе. Ср. функционирование вопросительных местоименных наречий, в состав которых входят *her* или *hin*. Значение данных дейктических элементов (и соответственно их перевод на русский язык) меняется в зависимости от того, употребляется ли это наречие в прямом вопросе или в качестве относительного наречия в гипотаксисе. В гипотаксисе субъектом дейксиса является не говорящий, а подлежащее главного предложения. В [Добровольский, Падучева 2008] приводится такой пример: *Alle schauten entsetzt auf den Felsen, woherunter der Bergsteiger gestürzt war* — *Все в ужасе посмотрели на скалу, откуда <с которой> сорвался альпинист*. Выбор наречия *woherunter* (в отличие от *wohinunter*) мотивирован в этом случае местонахождением людей, смотрящих на скалу (*alle*). Контекст ясно показывает, что они стоят внизу и смотрят на скалу

¹ Точнее ‘по направлению к говорящему или к лицу, точку зрения которого принимает говорящий’ vs. ‘по направлению от говорящего или от лица, точку зрения которого принимает говорящий’. Ср. [Добровольский, Падучева 2008].

снизу вверх. Иными словами, *hin-* и *her-*слова показывают, где находится наблюдатель, а не говорящий. *Woherunter* — это как бы «где-сюда-низ», а *wohinunter* — «где-туда-низ». Соответственно, если наблюдатель наверху, он скажет «где-туда-низ», то есть *wohinunter*, по-русски что-то вроде *куда* (*вниз*), а если он внизу — *woherunter* — «где-сюда-низ», то есть *откуда* (*вниз*).

В качестве примера интерпретации дейктических слов в нарративном режиме мы использовали контексты (32) и (33) из НКРЯ.

(32) Prosper Alpanus senkte sich *herab* zu dem Jüngling, an dessen Seite er Platz nahm, während die Libelle aufflog in ein Gebüsch und in den Gesang einstimmte, der durch den ganzen Wald tönte. (E. T. A. Hoffmann. Klein Zaches genannt Zinnober)

Проспер Альпанус спустился к юноше и сел подле него, стрекоза упорхнула в кусты, вторя пению, наполнявшему весь лес.

Здесь в принципе возможно и *hinab*. Но в этом случае субъектом дейксиса был бы Проспер Альпанус. А в перспективе повествования, выбранной автором, субъект дейксиса — юноша. Как видно из перевода, русский язык не располагает стандартными средствами, позволяющими выразить эти различия: ‘спустился сюда’ vs. ‘спустился туда’. Более точный перевод был бы *Проспер Альпанус спустился сюда к юноше*.

(33) Er schaute *hinauf* und erblickte staunend Prosper Alpanus, der auf einem wunderbaren Insekt, das einer in den herrlichsten Farben prunkenden Libelle nicht unähnlich, daherschwebte. (E. T. A. Hoffmann. Klein Zaches genannt Zinnober)

Он поднял глаза и с изумлением увидел Проспера Альпануса, летевшего к нему на каком-то диковинном насекомом, не лишенном сходства с великолепной, сверкающей всеми красками стрекозой.

Hinauf в предложении (33) — которое в тексте предшествует предложению (32) — развертывает событие в противоположной перспективе. Субъект восприятия здесь — тот же юноша. Но в одном случае движение направлено к нему, потому что Проспер Альпанус спустился к нему вниз, а в другом — от него. В последнем случае решающим фактором для выбора дейктического элемента является направление взгляда юноши снизу вверх. Итак, субъект дейксиса в нарративном режиме — это один из персонажей, глазами

которого описываются события в конкретном контексте. Подобные сдвиги в осмыслении пространственных отношений еще более усложняют поиск адекватных русских соответствий.

Как параллельный корпус может использоваться для исследования особенностей значения и употребления дейктических слов с элементами *hin* и *her*, а также для выявления их контекстно-зависимых русских соответствий? Попытаемся ответить на этот вопрос на материале адвербиальных выражений *herein* и *hinein*, которые употребляются и как самостоятельные наречия, и в составе сложных глаголов.

Обратимся к примерам из НКРЯ. В первую очередь, примеры показывают, что, помимо самых простых и однозначных выражений с элементами *tuda* для *hin* и *sjuda* для *her*, существует целый ряд способов передать направление движения относительно точки отсчета — говорящего или наблюдателя, которые используются далеко не во всех контекстах, а только там, где это коммуникативно необходимо. Для *herein* это, например, такие предложные группы, как *na nas* (34)¹. А для *hinein* это могут быть, среди прочего, глаголы, более или менее четко указывающие на направление движения от наблюдателя (35). В примере (36) глагол *войти* дейктически нейтрален: войти можно как куда-то, где находится наблюдатель (именно эта ситуация имеет место в данном контексте), так и в какое-то помещение прочь от наблюдателя.

(34) Sie weht *herein* mit dem Geruch der Erde, der Blumen und dem Funkeln der Sterne. (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk)

Она дышит *на нас* запахом земли, цветов и мерцанием звезд.

(35) Die gigantische Maschine *hob sich* mit Dr. h.c. Isaak Kohler in den Nachthimmel *hinein*, heulend, brüllend, ab nach Australien, als ich aus meinem Volkswagen sprang, den Revolver entschert. (F. Dürrenmatt. Justiz)

Когда я выскочил из своего «фольксвагена», сняв револьвер с предохранителя, гигантская машина, уносящая доктора *honoris causa* Исаака Колера, с ревом и воем *взмыла* в ночное небо и взяла курс на Австралию.

¹ Подобный перевод возможен только в нарративе с диегетическим повествователем (как это имеет место в «Черном обелиске» Ремарака) или в свободном косвенном дискурсе.

(36) Dann ging die Tür auf, und Antons Mutter *kam herein*. (E. Kästner. Pünktchen und Anton)

Вдруг дверь открылась и в детскую *вошла* мать Антона.

Примеры (37–41) показывают, как выбор дейктического элемента в нарративе позволяет установить, кто из персонажей является в данный момент субъектом перспективы повествования, а также в каком месте располагается в каждом конкретном эпизоде точка наблюдения. В русских переводах это чаще всего видно только из контекста.

(37) <...> da gab ihm der Vater von hinten einen jetzt wahrhaftig erlösenden starken Stoß, und er *flog*, heftig blutend, weit in sein Zimmer *hinein*. (F. Kafka. Die Verwandlung)

И тогда отец с силой дал ему сзади поистине спасительного тере-
пья пинка, и Грегор, обливаясь кровью, *влетел* в свою комнату.

(38) „Was denn?“ fragte Pünktchen harmlos. Gottfried Klepperbein vertraf ihr drohend den Weg. „Das weißt du schon ganz gut, stell dich nicht so dumm, mein Herzblatt!“ Pünktchen wollte gern ins Haus, aber er *ließ* sie nicht *hinein*. (E. Kästner. Pünktchen und Anton)

— Это что же? — простодушно осведомилась Кнопка. Готфрид Клеппербейн грозно загородил ей дорогу. — Сама знаешь, не строй из себя дурочку, дорогуша! Кнопка хотела войти в дом, но он не *пускал* ее.

(39) Aber es *fiel* so viel Ruß *herein*, dass das Mädchen die Luke gleich wieder zuziehen und mit ihrem Taschentuch die Hände K.s vom Ruß reinigen mußte, denn K. war zu müde, um das selbst zu besorgen. (F. Kafka. Der Prozess)

Но *посыпалось* столько сажи, что девушке пришлось тут же закрыть люк и смахнуть сажу с рук К. своим носовым платком, потому что сам он слишком ослабел.

(40) Wir wohnten in der Nähe des Ehrenfelder Bahnhofs, blickten vom Fenster unseres Zimmers aus auf die rote Backsteinmauer des Bahndamms, Braunkohlenzüge *fuhren* voll in die Stadt *herein*, leer aus ihr *hinaus*, ein trostreicher Anblick, ein herzbewegendes Geräusch, ich mußte immer an die ausgeglichene Vermögenslage zu Hause denken. (H. Böll. Ansichten eines Clowns)

Пансион находился неподалеку от Эренфельдской товарной станции; из окон нашей комнаты была видна красная кирпичная

стена и товарные составы, в город *или* платформы с бурым углем, из города *отправлялся* порожняк — отрядная картина, приятный перестук колес: как тут не подумать, что имущественное положение семьи Шниров вполне надежно.

(41) Aber was weiß er schon? Beweisen kann er nichts. Trotzdem kann er mit mir spielen, wie er will. Der Arzt *kommt herein*. Es ist nicht der Direktor; es ist der behandelnde Arzt. (E. M. Remarque. Der schwarze Obelisk)

Но какая цена этому знанию? Доказать он ничего не может. И все-таки он играет со мною, как ему вздумается. *Входит* врач. Это не директор — это лечащий врач.

Так, в примере (37) субъект дейксиса — Грегор, в (38) — Кнопка. Причем важно, что не Кнопка, а другой персонаж является в данном случае субъектом действия и, соответственно, подлежащим в предложении. Аналогично и в (41): субъект действия и подлежащее — врач. Но не он является субъектом дейксиса. Иначе было бы не *kommt herein*, а *kommt hinein*. Выбор дейктического элемента ясно показывает, что наблюдатель находится внутри — в той комнате, в которую входит врач. А значит, субъект наблюдения и дейксиса (как и в примере 40) — диегетический повествователь, то есть персонаж, ведущий повествование от 1-го лица. В примере (40) комбинация дейктических адвербиалов *herein* и *hinaus* однозначно демонстрирует, что наблюдатель — он же диегетический повествователь — находится в городе, а не за его пределами, что коррелирует с указанием места расположения пансиона, в котором живут герои.

Ориентация немецкого пространственного дейксиса в нарративе на наблюдателя подтверждается выбором в русских переводах таких глаголов, как *появиться*, *показаться*, *явиться*, *доноситься*. Известно, что смысл ‘наблюдатель’ входит в значение этих глаголов, а указание на фигуру наблюдателя является неотъемлемой частью их толкования.

(42) <...> und es kam immer ein Punkt, wo er mich wie ein heulender Hund ansah, und meistens *kam* gerade dann Sabine *herein*, schaute ihn verbittert an, weil sie wieder schwanger war. (H. Böll. Ansichten eines Clowns)

<...> а потом вдруг наступала минута, когда он смотрел на меня глазами затравленного зверя; тут в комнате обычно *появлялась* Са-

бина и смотрела на Карла с видом жертвы: она опять ходила беременная.

(43) Wieder *kam* der junge Mann mit dem Schnurrbart *herein*, senkte einmal das Kinn auf die Brust und setzte sich mit sorgenvoll-verschlossener Miene. (Th. Mann. Der Zauberberg)

Снова *явился* молодой человек с усами, опустил подбородок на грудь и уселся с озабоченным и замкнутым видом.

(44) Nach Osten und Süden standen die Fenster des Turmgemachs offen, aus Garten und Feld *drangen* linde, süße Gerüche aller Art, aus der Landschaft unbestimmte Geräusche zu ihm *herein*, wie die kommende Frühe sie aus der Weite und Nähe zu bringen pfllegt. (A. Schnitzler. Casanovas Heimfahrt)

Окна комнаты, выходившие на восток и на юг, были раскрыты. Из сада и с полей *доносились* нежные и сладкие ароматы, повсюду, вдалеке и вблизи, слышались неясные шорохи, которые обычно приносит с собой наступающее утро.

(45) Hie und da *spähten* ein paar Schutzleute mit grünlich schillernden Federbüschen *herein* und gingen in langsamem, schwerem Schritt wieder weiter. (G. Meyrink. Der Golem)

Время от времени *показывались* городовые с зеленоватыми и блестящими перьями на шляпах и медленными тяжелыми шагами шли дальше.

В основе семантики слова *hinein* (в его пространственном значении¹), наряду с указанием на направление прочь от говорящего или от лица, точку зрения которого принимает говорящий, лежит идея перемещения из более открытого в более замкнутое пространство. Интересны контексты типа (46) и (47), в которых речь идет о ментальной (духовной или интеллектуальной) сфере. Употребление *hinein* в таких контекстах показывает, что в модели мира, зафиксированной в немецком языке, эта сфера мыслится как замкнутое пространство, причем отдельное от субъекта. Иными словами, даже если это внутренний мир человека, он описывается в языке как пространство, существующее отдельно от этого человека.

(46) In dies Priestertum, in diesen Hochmut, in diese Geistigkeit

¹ У этого слова есть еще и временное значение; ср. словарную статью из НБНС, приведенную ниже.

hinein hatte sein Ich sich verkrochen, dort saß es fest und wuchs, während er es mit Fasten und Buße zu töten meinte. (H. Hesse. Siddhartha)

В это-то священничество, в это-то высокомерие и духовность и заползло его Я, там оно засело крепко и росло, в то время как он воображал, что умерщвляет его постом и покаянием.

(47) Mit beginnendem Schlaf versenkte er sich tiefer und tiefer in sich *hinein* und hielt triumphalen Einzug in seiner inneren Festung, auf der er sich ein geruchliches Siegesfest erträumte, eine gigantische Orgie mit Weihrauchqualm und Myrrhendampf, zu Ehren seiner selbst. (P. Süskind. Das Parfum)

Засыпая, он все глубже погружался в самого себя и совершал триумфальный въезд в свою внутреннюю крепость, где он праздновал в мечтах некую победу обоняния, гигантскую оргию с густым дымом ладана и парами мирры в свою честь.

Рассмотренные здесь особенности немецких лексических единиц с дейктическим значением должны учитываться в их лексикографическом представлении. В первую очередь это касается необходимости переориентации субъекта дейксиса с говорящего (как это традиционно делалось в словарях) на наблюдателя и сходных с ним участников ситуации, которым говорящий как бы делегирует свои дейктические полномочия. В «Новом большом немецко-русском словаре» мы попытались учесть эти особенности следующим образом:

herein *adv dem* сюда; внутрь (*при обозначении перемещения из более открытого в более замкнутое пространство по направлению к говорящему или лицу, точку зрения которого принимает говорящий*); ~! входи (те)!; (nur) immer ~! входи (те) быстрее [смелей]!; hier ~! вход здесь! ♦ ~, **wenns kein Schneider ist!** *шутл. разг.* ≈ входи (те), коль не шутите!

herein = *отд.* первый частотный элемент гл., указывает на движение *внутри по направлению к говорящему или лицу, точку зрения которого принимает говорящий (т.ж. перен.)*: hereinkommen входить; hereinlassen впустить; hereinfließen попасть впросяк

hinein *adv dem* 1. в, внутрь; вглубь; вплоть до (*при обозначении перемещения из более открытого в более замкнутое пространство по направлению от говорящего или лица, точку зрения которого принимает говорящий*); ins Zimmer ~ в комнату; ins Leere ~ в пустоту; nun aber ~ ins Bett (mit euch)! а ну, в кровать! 2. *при обозначении времени*

до, вплоть до; bis in die Gegenwart ~ вплоть до наших дней; bis (tief) in die Nacht ~ до поздней ночи ◊ **ins Blaue** ~ разг. наобум, без четкой цели; **bis ins Herz [Mark, Innerste]** ~ высок. до глубины души

hinein= отд. первый частотный элемент гл., указывает на движение внутрь по направлению от говорящего или лица, точку зрения которого принимает говорящий (тж. перен.): hineingehen входить; hineinblicken заглядывать (напр. в помещение); sich hineinendenken вдумываться; hineinlegen приносить (личное отношение в какое-л. дело, напр. чувство в исполнение музыкального произведения)

* * *

Завершая эту работу, напомним, что ее целью было не столько описание отдельных сложных случаев, представляющих серьезные трудности как для контрастивной лексикологии и теории лингво-специфичности, так и для двуязычной лексикографии, сколько поиски ответа на вопрос, насколько корпусы параллельных текстов могут оказаться полезным инструментом в решении подобных задач. Ответ на этот вопрос представляется однозначным. Предпринятый в статье анализ отдельных лексем, не имеющих в других языках стандартных эквивалентов, показал, что обращение к параллельным корпусам помогает выявить как нетривиальные семантические и дискурсивные особенности подобных слов, так и особенности их кросс-лингвистических функциональных соответствий.

Литература

Бунтман Н. В., Зализняк Анна А., Зацман И. М., Кружков М. Г., Лоцилова Е. Ю., Сичинава Д. В. Информационные технологии корпусных исследований: принципы построения кросс-лингвистических баз данных // Информатика и ее применения. Т. 8, вып. 2, 2014. С. 98–110.

Гришина Е. А. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. Vol. 35. 2011. P. 169–207.

Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383–401.

Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Добровольский Д. О., Кретов А. А., Шаров С. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М.: Индрик, 2005. С. 263–296.

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. 500 способов сказать «нет» (русско-немецкие соответствия) // Логический анализ языка. Ассерция и негация/Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2009 а. С. 400–410.

Добровольский Д. О., Левонтина И. Б. Русское *нет*, немецкое *nein*, английское *no*: сопоставительное исследование семантики на базе параллельных корпусов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конференции «Диалог 2009». М.: РГГУ, 2009 б. С. 97–101.

Добровольский Д. О., Падучева Е. В. Дейксис в отсутствие говорящего: о семантике немецких дейктических элементов *hin* и *her* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды междунар. конференции «Диалог 2008». М.: РГГУ, 2008. С. 140–146.

Добрушина Е. Р. Что значит *нет*? // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003. С. 146–193.

Йокояма О. Б. К метатеории перевода: перевод как дискурс // Человек о языке — язык о человеке. Сб. статей памяти Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2012. С. 152–159.

Кобозева И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях 80-х гг. // Прагматика и семантика. Сб. научно-аналитических обзоров. М.: Изд-во АН СССР, 1991. С. 147–173.

Левонтина И. Б. Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура, Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: ШЯРК, 1996.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Atkins S., Fillmore C.J., Johnson C.R. Lexicographic relevance: Selecting information from corpus evidence // International Journal of Lexicography. Vol. 16. 2003. No. 3. P. 251–280.

Cysouw M., Wälchli B. (eds.). Parallel texts. Using translational equivalents in linguistic typology. Sprachtypologie & Universalienforschung 60.2. (Special Issue). 2007.

Dobrovolskij D., Levontina I. YES and NO: Universal Ideas in Language Specific Configurations // Meaning-Text-Theory. 4th International Conference, Montreal 2009. Proceedings. Ed. by David Beck, Kim Gerdes, Jasmina Milićević and Alain Polguère. URL: <http://meaningtext.il-pga.fr/mtt2009/14-DDobrovolskijILevontina.pdf>.

Dobrovolskij D., Levontina I. Russian *NET* vs. German *NEIN* 'NO': a semiotic approach // Russian Linguistics. Vol. 36. 2012. P. 213–219.

Pope E.N. Questions and answers in English. The Hague, Paris: Mouton, 1976.

Timberlake A. Reference grammar of Russian. West Nyack: Cambridge University Press, 2004.

Словари

Ермолович, Красавина 2006 — Ермолович Д.И., Красавина Т.М. Новый большой русско-английский словарь. Изд-е 2-е, испр. М.: Русский язык — Медиа, 2006.

НБНС — Новый большой немецко-русский словарь: В 3 т./Под рук. Д. О. Добровольского. М.: Астрель, 2008–2010.

РАС — Русско-английский словарь/Под общим рук. А. И. Смирницкого / Изд-е 9-е, стереотип. под рук. О. С. Ахмановой. М.: Советская энциклопедия, 1971.

Цвиллинг 2003 — Цвиллинг М.Я. Русско-немецкий словарь. М.: Русский язык — Медиа, 2003.

D. O. Dobrovolskij

Vinogradov Russian Language Institute

of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

dm-dbrv@yandex.ru

THE CORPUS OF PARALLEL TEXTS AND CONTRASTIVE LEXICOLOGY

The aim of the present article is to attempt to determine the extent to which corpora of parallel texts can serve as a useful instrument for solving problems of contrastive linguistics; i.e., for describing peculiarities in the functioning of Russian forms compared with those of another language. The study is based on empirical data taken from the Russian-English/English-Russian and Russian-German/German-Russian parallel corpora of the RNC. We focus on lexical phenomena of these pairs of languages, particularly cross-linguistic equivalence connected with the language-specific nature of certain lexemes and the means for representing them in bilingual dictionaries. The materials of the parallel corpora give rise to questions as to how cross-linguistic lexical correlates should be represented lexicographically, especially if these correspondences are not equivalent in a strict sense. Our analysis of lexical units that lack standard equivalents in other languages indicates that parallel corpora can help identify both the non-trivial semantic and discursive properties of such words and the peculiarities of their cross-linguistic functional correspondences.

Key words: parallel corpus, lexical semantics, bilingual lexicography, linguo-specific factors, Russian, English, German

References

Atkins S., Fillmore C. J., Johnson C. R. Lexicographic relevance: Selecting information from corpus evidence. *International Journal of Lexicography*. Vol. 16. 2003, no. 3, pp. 251–280.

Buntman N. V., Zaliznjak Anna A., Zacman I. M., Kruzchkov M. G., Loshhilova E. Ju., Sichinava D. V. [Informational technology in corpus-based studies: towards a cross-linguistic database]. *Informatika i ee*

primeneniya [Informatics and its Applications]. Vol. 8, issue 2, 2014, pp. 98–110. (In Russ.)

Cysouw M., Wälchli B. (eds.) *Parallel texts. Using translational equivalents in linguistic typology. Sprachtypologie & Universalienforschung* 60.2. (Special Issue). 2007.

Dobrovol'skij D. O. [The corpus of parallel texts and culture-specific lexemes]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy*. [Russian National Corpus: 2006–2008. New Results and Prospects]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, pp. 383–401. (In Russ.)

Dobrovol'skij D. O. *Besedy o nemetskom slove* [Studies on German Lexis]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2013.

Dobrovol'skij D. O., Kretov A. A., Sharov S. [The corpus of parallel texts: architecture and potential of using]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2003–2005. Results and Prospects]. Moscow, Indrik Publ., 2005, pp. 263–296. (In Russ.)

Dobrovol'skij D., Levontina I. Russian *NET* vs. German *NEIN* 'NO': a semiotic approach. *Russian Linguistics*, 2012, Vol. 36, pp. 213–219.

Dobrovol'skij D., Levontina I. YES and NO: Universal Ideas in Language Specific Configurations. *Meaning-Text-Theory*. 4th International Conference, Montreal 2009. Proceedings. David Beck, Kim Gerdess, Jasmina Miličević and Alain Polguère (eds.). Available at: URL: <http://meaningtext.ilpga.fr/mtt2009/14-DDobrovol'skijILevontina.pdf>.

Dobrovol'skij D. O., Levontina I. B. [500 ways to say “no” (Russian-German correlations)]. *Logicheskii analiz yazyka. Assertiya i negatsiya* [Logical Analysis of Language. Assertion and Negation]. N. D. Arutyunova (ed.). Moscow, Indrik Publ., 2009a, pp. 400–410. (In Russ.)

Dobrovol'skij D. O., Levontina I. B. [Russian *net*, German *nein*, English *no*: contrastive semantic analysis based on parallel corpora]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunar. konferentsii “Dialog 2009”* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of International Conference “Dialog–2009”]. Moscow, RSUH Publ., 2009b, pp. 97–101. (In Russ.)

Dobrovol'skij D. O., Paducheva E. V. [Deixis without the speaker: on semantics of German deictic elements *hin* and *her*]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunar. konferentsii “Dialog 2008”* [Computational Linguistics and Intellectual Technolo-

gies. Proceedings of International Conference “Dialog–2008”]. Moscow, RSUH Publ., 2008, pp. 140–146. (In Russ.)

Dobrushina E. R. [What does *net* mean?]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Russian Discursive Words: Contextual Variation and Semantic Unity]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 146–193. (In Russ.)

Grishina E. A. [*Da* in the Russian spoken dialogue]. *Russian Linguistics*, 2011, Vol. 35, pp. 169–207. (In Russ.)

Iokoyama O. B. [Towards the metatheory of translation: translation as a discourse]. *Chelovek o yazyke — yazyk o cheloveke. Sb. statei pamyati N. Yu. Shvedovoi* [Man about language — language about man. In memoriam of N. Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2012, pp. 152–159. (In Russ.)

Kobozeva I. M. [Particle studies in the 80s]. *Pragmatika i semantika. Sb. nauchno-analiticheskikh obzorov* [Pragmatics and semantics. Analytical survey]. Moscow, Izd. AN SSSR, 1991, pp. 147–173. (In Russ.)

Levontina I. B. [Strategies of persuasion: particles in repeated request]. *Yazyk. Kul'tura, Gumanitarnoe znanie. Nauchnoe nasledie G. O. Vinokura i sovremennost'* [Language. Culture. Humanities]. Moscow, Nauchnyi mir Publ., 1999. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic Studies: Semantics of Tense and Aspect in Russian. Narrative Semantics]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoi kul'tury” Publ., 1996.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to the Semantics of Grammar. Grammatical Meanings and Grammatical Systems in the Languages of the World]. Moscow, RSUH Publ., 2011.

Pope E. N. *Questions and answers in English*. The Hague, Paris, Mouton, 1976.

Timberlake A. *Reference grammar of Russian*. West Nyack, Cambridge University Press, 2004.

Dictionaries

Ermolovich D.I., Krasavina T.M. *Novyi bol'shoi russko-angliiskii slovar'* [A New Comprehensive Russian-English Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Russkii yazyk — Media Publ., 2006.

NBNS — *Novyi bol'shoi nemetsko-russkii slovar'* [A New Comprehensive German-Russian Dictionary]. In 3 volumes. D. O. Dobrovol'skij (ed.). Moscow, Astrel' Publ., 2008–2010.

RAS — *Russko-angliiskii slovar'* [Russian-English Dictionary]. A.I. Smirnitskii (gen. ed.), 9th ed. O.S. Akhmanova (ed.). Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1971.

Tsvilling M.Ya. *Russko-nemetskii slovar'* [Russian-German Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk — Media Publ., 2003.